

ХРАНИМЫ СВЕТОМ И ТЕПЛОМ

Андрей Деметьев

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

* * *

Крещенскую полночь
Встречает нежданно метель...
И кружится снег
Посреди колокольного звона.
Вхожу в неземную его акварель,
Где небо склонилось
Над миром влюблённо.

Крещенская полночь –
Пора ожиданий и грёз.
И светится Образ
Над нашей душой и молитвой.
И в очищенье невидимых слёз
Всё горькое в нас
Прощено и забыто.

Нарастает подземный гул,
Содрогается Божий мир –
То собирает войска Вельзевул
На похмельный, кровавый пир.

А навстречу – небесная рать
Выступает за строем строй.
Уж седьмая снята печать.
Вострубил уж Ангел седьмой.

* * *

Сменился кромешною тьмою
Дневной ослепительный свет.
Разверзлась над грешной землёю
Нездешняя бездна планет.

г. Москва

Так Образ таинственный Бога
Земному жильцу не узреть.
И лишь пред Последним Порогом
Его открывает нам Смерть.

Светлана Селиванова

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО

* * *

Над сиротливыми полями,
Над запустелой бороздой,
Над деревенькою печальной
Заводит ветер унылый вой.

И гнёт дряхлеющее древо
Полян, славутичей, древлян.
И внемлет вечности напеву
Душа соборная славян.

Вкруг неподвижного светила
Бессменно путь вершит Земля,
Даря живительную силу
Ночной тиши и шумам дня.

Какой энергии подвластна,
Кто правит ею и велит
Из века в век кружить в пространстве
Меж Сцилл небесных и Харибд;

И бездны грозные Вселенной
 Послушно замыкать кольцом,
 Чтоб человек, греховный, бренный,
 Храним был светом и теплом?

ДВА ЛИЦА

Добро и зло и свет и тьма,
 Вчера почти не различимы,
 Сегодня бороздой делимы –
 От пули эта борозда.

Я вижу пленника Бесова,
 И чую Сатаны гонца,
 В ком ненависть к Христову слову –
 Наследство страшное отца –

Менялы в храме, фарисея,
 Живого Бога палача,
 Кто не услышал Моисея,
 Тельца златого предпочтя.

Но и иные всходят лица.
 Чей взор Спаситель озарил,
 Кто в храм вошёл, чтоб
 помолиться,
 Кто душу Богу посвятил.

Два племени среди народа,
 Две силы есть – добра и зла.
 Одни ведут свой род от Бога,
 Другими правит Сатана.

ОНИ И МЫ

Они и мы – как обозначить,
 Словами как определить,
 Когда за спинами маячит
 Знак – жить России иль не жить?

И, вчитываясь в тайну Знака,
 Я силюсь, Боже мой, постичь,
 Как отличить Твой свет от мрака,
 Услышать Твой призывный клич?

Я знаю – время подступает,
 Свершится скоро Высший Суд.
 Оно уж рядом – сердце знает,
 Но ум не вырвется из пут

Греховности, житейской свары,
 Вражды, отчаянья, зла,
 И вспомнить силится, что кары
 Не убежать. Зависнет мгла

Над той душой, что изменила,
 Что в хороводе с Сатаной
 На игрища его вступила,
 Глумясь над милой стороной.

Небесная моя Россия,
 В Фаворском свете окоем,
 И ты, измученный Мессия,
 Впусти меня в Твой бедный Дом!

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

На руинах великой державы,
 Среди гиблых земель, одиноч,
 Из-под груды металлов ржавых
 Пробивается нежный росток.

И энергии тайной подвластен,
 Наливается силой живой
 На ветру, на юру,
среди ненастья,
 Под метели таинственный вой.

То, не ведая смерти и страха,
 Неопальная купина
 Восстаёт из державного праха,
 Дивной мощи и жара полна.

И божественный куст терновый
 Пламенеет, презревши тлен,
 И гремит над Россией суровый
 Глас Господень –
Восстань с колен!

Игорь Елисеев

* * *

Наших мёртвых помянем.
 Это сделать мы вправе и в силе.
 Просто вспомним о них –
 неуместен здесь праведный суд.
 Потому что о нас
 тоже скажут когда-нибудь:
 «Жили!» –
 да, о нас, о которых
 сегодня бубнят все: «Живут...»
 От сумы и тюрьмы
 мы скрываемся в логовах комнат,
 но пропащую душу
 в мирах не упрятать иных.
 Потому что и нас
 наши мёртвые все ещё помнят,
 да и сами мы живы,
 покуда мы помним о них.

Бог предел положил
 между этим и будущим светом,
 но когда-нибудь всем
 предстоит перейти Рубикон.
 Ave, Caesar! Зачем нам
 стремиться к далёким планетам,
 если здесь, рядом с нами,
 судейский твой высится трон?
 Брат, напрасно ты думал,
 что мёртвые сраму не имут.
 Пусть мы здесь не сумели
 ни чище, ни праведней стать,
 наши мёртвые всех нас
 когда-то в объятия примут
 и к Отцу отведут.
 Остающимся здесь – исполать!

* * *

Бежит река среди низких горных гряд,
 лежит туман
 в зелёных складках склона.
 И небеса по-прежнему гремят,
 как это было и во время оно.

И я у моря истоиво молюсь,
 когда-то почитавший слово nihil,
 о том, чтоб из руин восстала Русь
 и белый свет смиренным стал и тихим,

молюсь, чтоб вдохновение моё
 и яркий свет, во мне горевший прежде,
 опять не погрузились в забвенье,
 не дав и шанса малого надежде.

Чтоб не твердить оставшиеся дни,
 не ведая законов всех и правил:
 «Илі, Ілі, лама савахфані?
 Господь, Господь, зачем меня оставил?»

г. Ростов-на-Дону

Александр Шлигин

ИКОНА

Ожидал встречи
 С Богом
 А ткнулся лбом
 В холодное стекло

Когда-то давно
 В рассветные годы жизни
 Вернулся домой
 Из дальних краёв
 Торопя радость встречи

Прижал лицо к окну
 Вглядывался в застеклённый сумрак
 Ещё не пробудившегося дома
 И вдруг за стеклом
 Увидел
 Отца

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

Пришли святить куличи, яйца,
 В общем, всякую снедь.
 Стояла толпа.
 Ждали.

И я с тобой с боку припёка
 Солнышка ещё застенчивого робкого.
 Батюшка вышел,
 Кропилом махал щедро.
 Махнул и в нашу сторону.
 Капли горели на солнце
 Россыпью самоцветов,
 Как в детстве почти беспамятном,
 В Новопокровке,
 Сосланный мальчик-немчик,
 Обливал нас младших из кружки
 Счастливой водой.
 Вот и сегодня
 Опять
 Попал нечаянно
 Под слепой дождь благодати.

г. Берлин

Тригорий Невцов

* * *

Где тот глагол, что некогда Адаму
 Был послан свыше Господом самим?
 Я на пути к неведомому храму,
 Иду к твердыням древним и немым.

Где некогда вознёсся дивный город,
 Вобравший всё величие Земли,
 Там ныне лишь пустыни веет холод,
 Лишь тлен и прах приют свой обрели.

Вотще ты ищешь, путник запоздалый,
 Следов его величья прежних дней.
 Увы, на месте башни величавой
 Лишь жалкие развалины камней.

Вспять не вернуть рассеянных народов,
 Не станет плотью древний их язык.
 Безумством не достичь
 надменных сводов.
 Нет, дерзкий раб не узрит Божий Лик.

Лишь Богом вдохновенные поэты,
 Храня в душе Вселенной первый крик,
 В следах наречья, канувшего в Лету,
 В ночи слышат вещей праязык.

РУСЬ

Русь широка, Русь глубока, как море...
 Её хранят безбрежные леса.
 Навек застыла в рвущемся просторе
 Чарующая, дикая краса.

Где в чашах потаённых дремлют совы,
 Укрыли ели огненный цветок
 И, неизвестный день встречая новый,
 Горит зарёю рдеющий восток.

Где, верные воинственным народам,
 Хранят преданье древние холмы,
 И среди степей
 стоят в молчанье гордом
 Когда-то неприступные валы.

Где церкви, на берегах озёр белея,
 Глядятся в отражение небес
 И солнца диск, за тучами бледнея,
 Струит лучи из громовых завес.

Где на границах северных безмолвно
 Твердыней встали древние кремли,
 И, вдаль стремясь,
 задумчивые волны
 Несли по рекам чёлны и ладьи.

Где камень стёрт песчаными ветрами
 По склонам величавых древних гор,
 И сосны обнажёнными корнями
 Плетут на них змеинный свой узор,

И где на островах
 среди вод холодных
 Таятся одинокие скиты,
 И свет небес лежит
 в просторах водных
 Немым заклатьем вечной красоты.

.....

Там ветер играет рябью бесконечной
 На глазах голубеющих озёр,
 И схимник, сотворяя путь свой вечный,
 Грядёт за вереницу дальних гор...

Владимир Берязев

БЕЛЫЙ СТАРЕЦ

Юрию Кублановскому

I

Как часто ты, придя на Соловки,
Искал следы Зосимы и Луки,
И, осязая каменную кладку,
Что коренится в холоде морей,
Воображал, что сам Гиперборей
Её слагал, как дань миропорядку.

Как часто я, блуждая средь камней,
Под литии божественных теней
Желал коснуться сонного величья
Героев азиатского шатра,
И мертвецы с высокого одра
Мне царственное слали безразличье.

II

И вот мы вместе едем от широт
Полуночных; обителью сирот,
Собак бродячих, бомжиков весёлых,
От мглы губернской, дрязг и толчеи,
Одолевая тернии ГАИ
И бражничая в подорожных сёлах.

Уже равны в симпатиях – Далай-
Лама и Мирликийский Николай,
Их рядом садит

смуглый дальнобойщик

На хрусткий скотч в углу лобовика,
Пока, пока! Дорога далека...
Самса, манты, да лобио, да борщик,

Шашлык-башлык, потом базар-вокзал,
Поди не всё, приятель, рассказал,
Останется до следующего раза.
До перевала – двести пятьдесят,
Как знамена там беркуты висят...
О, трубный звук идущего КамАЗа!

Дорогу невозможно победить,
Но лишь – пропеть! Уже не нам судить,

Насколько долгим будет наше эхо.
Вон белый старец посохом грозит
Кому-то... и по воздуху скользит...
Звезда Монгуш
глядит в полы прореху...

III

И скрытный люд
по сумрачным скитам,
И казаки, пришедшие к братьям,
С надежей на Николу Чудотворца
В большом пути, с иконкой на груди,
Молилися: «Никола, огради
От козней – всею силой дивноборца!»

А северный монгол и тубалар
Или тунгус, везущий на базар
Вязанку соболей и белоснежных
Песцов, и переимчивый ойрат,
Все повторяли – розно и стократ:
«То старец наш,
спаситель безнадежных,

Являвшийся в погибельных местах,
Его халат всегда в косых крестах,
Наш белый старец,
самый добрый старец,
Кто с ним пришёл, однако, не враги!»
И возводили храмы казаки,
И съёживался тьмы худой останец.

Свой частокол слагал полуустав
В живую цепь молитвенных застав
Под строгой башней
буквицы заглавной.
Дорога открывалась на Восток,
И лотоса небесный лепесток
Был испещрён
молитвой православной.

IV

Надменный нрав подале убери,
Уж коли взял меня в поводыри,
Смотри, мой друг, в заведомые дали,
На вечные долины и гольцы,
Отсюда унесли во все концы
Сынов Адама древние сандали.

